

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499

EDN: QJHIFP

Научная статья / Research article

Эвристический потенциал применения индекса оценки региональных государственных программ в сфере молодежной политики

С.К. Калашникова^{1,2} , И.И. Андриив^{1,2}

¹ *Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 sofyakalashnikova15@gmail.com

Аннотация. Целью работы является определение возможностей и ограничений применения индексов для оценки региональной молодежной политики в РФ. Представлен развернутый анализ отечественной и зарубежной научной литературы по актуальным методикам оценки государственной молодежной политики и по возможностям применения индексов в этой сфере. Проведен сравнительный анализ применения индексов для оценки молодежной политики в странах СНГ. Авторами предложен индекс оценки региональных государственных программ на основании соотношения данных по бюджетированию сферы молодежной политики в субъектах РФ и миграционных показателей данной возрастной группы. В результате эмпирического исследования выделены группы регионов РФ с различным уровнем финансирования исследуемой сферы и степенью достаточности бюджетного обеспечения для сохранения нейтрального сальдо миграции молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государственные программы, региональная политика, индекс

Для цитирования: *Калашникова С.К., Андриив И.И.* Эвристический потенциал применения индекса оценки региональных государственных программ в сфере молодежной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 486–499. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499>

Благодарности: Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100043–9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

© Калашникова С.К., Андриив И.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Heuristic Potential of Applying the Assessment Index to Regional Public Programs in the Field of Youth Policy

Sofia K. Kalashnikova^{1,2} , Irina I. Andriiv^{1,2}

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation,*

²*St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,*

 sofyakalashnikova15@gmail.com

Abstract. The aim of the research is to determine the possibilities and limitations of applying indices for assessing regional youth policy in the Russian Federation. The article contains a detailed analysis of domestic and foreign scientific literature on current methods for evaluating state youth policy and possibilities of applying indices in this sphere. The comparative analysis of the use of indices for assessing youth policy in the CIS countries was conducted. The authors propose an index of complex evaluation of regional state programs based on the correlation between the data on the budgeting of the youth policy sphere in the subjects and the migration indicators of this age group. As a result of empirical research, the authors have identified groups of regions of the Russian Federation with different levels of funding of the investigated sphere and the degree of sufficiency of budgetary provision to maintain a neutral balance of youth migration.

Keywords: youth, youth policy, state programs, regional politics, index

For citation: Kalashnikova, S.K., & Andriiv, I.I. (2023). Heuristic potential of applying the assessment index to regional public programs in the field of youth policy. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 486–499. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499>

Acknowledgements: The research was conducted at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research within the framework of the scientific project N 122101100043–9 «Political Trust of Russian Youth: Mechanisms of Formation, State, Trends and Risks».

Введение

Основной проблемой российских регионов не первый год остается существенный миграционный отток молодежи из субъектов в федеральные центры (г. Москва и г. Санкт-Петербург) [Бизин 2022]. Этот процесс обусловлен сохранением за двумя столицами статуса городов с наиболее оптимальными и комфортными условиями для развития и самореализации. Существенная разница в уровне предоставления образовательных услуг, наличии и вариативности предлагаемых рабочих мест, уровне оплаты труда, качестве медицины и в представляющихся возможностях для самореализации становится триггером миграционных процессов среди молодежи, что сказывается на социально-экономическом и социально-политическом климате регионов.

Для преодоления существующих тенденций необходимо создание в регионах благоприятных и конкурентоспособных условий для самореализации молодежи. Главным актором, инициирующим формирование такой среды, является государство, а институциональным инструментом в достижении данной

цели — последовательная реализация государственной молодежной политики, нивелирующей проблемы молодого поколения [Артыков, Касаткина 2020]. Соответственно, комплексное изучение государственной молодежной политики необходимо для характеристики и оценки предпринимаемых государством действий в обозначенном направлении.

Логика данного исследования предполагает, с одной стороны, применение институционального подхода к рассмотрению реализации государственной молодежной политики в регионах с целью характеристики деятельности государства в данной сфере, с другой — попытку создания авторского количественного показателя (индекса) для оценки недостаточности или избыточности финансирования в рамках региональных государственных программ на основании показателей миграции молодежи. Эвристический потенциал авторского индекса состоит в попытке провести сравнение показателей финансирования сферы молодежной политики в субъектах РФ с уровнем миграции молодежи из регионов. Авторы исходят из установки, что одной из приоритетных задач молодежной политики является закрепление молодежи в регионе и сохранение ее численности.

Российская практика реализации государственных программ и проектов в сфере молодежной политики

На федеральном уровне государственные цели и задачи в сфере молодежной политики получили свое нормативное закрепление в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Данный закон был оценен экспертным сообществом неоднозначно: по мнению профессора РАНХиГС при Президенте РФ, доктора юридических наук Андрея Кочетков, закон не только не внес требовавшуюся нормативную ясность, но и привел к продолжению «...хаотизации молодежной политики в нашей стране, только теперь на основе „хоть какого-то“ Федерального закона»¹. Также в 2020 г. вопрос реализации молодежной политики на федеральном уровне и уровне субъектов РФ был внесен в Конституцию РФ в форме конституционной поправки (часть 1 статьи 72 Конституции РФ)².

Система принципов, ключевые приоритетные задачи и механизмы реализации государственной молодежной политики зафиксированы федеральными органами исполнительной власти в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», утвержденных Распоряжением Правительства³. Проектный подход, который отражается

¹ Андрей Кочетков: Молодёжная политика РФ напоминает «План Даллеса» — профессор РАНХиГС Кочетков. URL: <https://www.osnmedia.ru/opinions/molodyozhnaya-politika-rf-huzhe-plana-dalesa-professor-ranhigs-kochetkov/?ysclid=lgmhhaqo85456847793> (дата обращения: 10.12.2022).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2015 г.»

и в практике разработки и принятия государственных программ, и в инициировании и реализации серии национальных проектов, является востребованным среди органов власти для решения общественно значимых задач.

Реализация молодежной политики не выделена в обособленное направление национальных проектов в Указе Президента РФ⁴. Ведомством, занимающимся исключительно вопросами молодежной политики на общенациональном уровне, является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Наибольшая часть федеральных инициатив для молодежи существует в рамках национального проекта «Образование» [Мирошниченко, Федоренко, Шпиро 2022]. Национальный проект реализуется через такие федеральные «суб-проекты», как «Молодые профессионалы», «Молодежь России», «Социальные лифты для каждого», «Патриотическое воспитание» и др.

Значимую роль в государственной молодежной политике играет обеспечение условий для карьерной реализации молодого поколения. Акцент делается на развитие и поддержку интереса к востребованным инженерным и рабочим профессиям. Федеральный проект «Молодые профессионалы» направлен на повышение качества получаемого среднего профессионального образования, обеспечение возможности обучающимся получить конкурентное профессиональное образование, отвечающее современным экономическим требованиям и запросам рынка труда. Федеральный проект «Молодежь России» включает всероссийский студенческий проект «Твой ход», организующий образовательные форматы и стажировки с обратной связью и возможностью создать и реализовать собственный проект. В рамках федерального проекта «Социальные лифты для каждого» проводятся мероприятия с целью раскрытия талантов и профессионального потенциала всех граждан, при этом благодаря проекту по итогам конкурсов рекрутируются и представители молодежи с достаточным набором компетенций и достижений.

Также в рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание». Проект предполагает активную деятельность по развитию воспитательной работы в образовательных организациях в формате проведения мероприятий патриотической направленности для детей и молодежи, взаимодействия старшего и младшего поколения, популяризации отечественной истории.

Авторами был проведен анализ государственных программ по молодежной политике на региональном уровне. Итоговая сборная таблица состояла из нескольких критериев оценивания и сравнения: структура программы (отдельный проект или включение компонента молодежной политики в качестве подпрограммы), цели и задачи программ, сроки реализации и объемы бюджетирования. Анализ показал, что перечисленные федеральные проекты в тех или иных вариациях отражены в региональных документах по реализации государственной

⁴ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (с изменениями на 21 июля 2020 г.). URL: <http://government.ru/docs/all/93887/> (дата обращения: 20.12.2022).

молодежной политики. В части регионов такие программы являются обособленными и затрагивают исключительно сферу молодежной политики. В некоторых регионах задача реализации молодежной политики интегрирована в государственные программы иных направлений в качестве подпрограмм по направлениям деятельности. Опираясь на опыт изучения документов, можно утверждать, что молодежная политика в регионах РФ часто носит фрагментарный и неоднородный характер, имеет формальные критерии оценки эффективности и внутренне противоречивый характер.

Опыт разработки методик оценки государственных программ в России и странах СНГ

Как правило, базовым индикатором эффективности реализации молодежной политики в регионах России обозначены количественные показатели проведенных мероприятий, а также процентные показатели участия молодежи в мероприятиях [Березутский 2020]. Однако в научном сообществе ведется дискуссия о достаточности использования данных индикаторов для всесторонней и объективной оценки качества реализации государственных программ ввиду фрагментарности и относительности этих показателей.

Отечественный исследователь С.П. Куликов рассматривает критерии оценки эффективности мероприятий органов власти и в качестве альтернативы с целью унификации и оптимизации системы оценивания предлагает внедрить новый принцип измерения эффективности молодежной политики, основываясь на примере оценки вузов. Автор экстраполирует базовые показатели эффективности по работе вузов со студенческой молодежью на деятельность органов власти [Куликов 2019], фокусируясь на механизмах вовлечения молодежи в проводимые мероприятия. Однако представляется недостаточным использование такого подхода, так как для категории работающей молодежи комплекс мер оценки должен включать другие индикаторы.

Н.А. Гончарова и Е.А. Сурова [2021] предлагают иные критерии анализа эффективности на базе создания условий для привлечения молодежи в сферу инновационных проектов всех направлений; для социализации молодежи; для реабилитации молодых людей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, а также создание высокопродуктивной сферы услуг для молодежи. Авторы отмечают необходимость количественного выражения показателей и учета неоднородности социального состава молодежи как социальной группы. В рамках описанных подходов молодежь, во-первых, представляется однородной группой, не разделенной на категории (например, учащиеся/работающие), во-вторых, определяется исключительно как объект политики.

Проектный подход к государственному управлению также популярен в странах СНГ. Опыт Казахстана в разработке индекса оценки эффективности реализации молодежной политики предлагает адаптированный вариант Индекса благополучия молодежи [Джакупова 2021a].

Изначально Индекс благополучия молодежи был создан благодаря кооперации между Центром стратегических и международных исследований (США), Международным молодежным фондом и компанией Hilton Worldwide⁵. Индекс охватывает 6 критериев, каждый из которых состоит из 40 показателей. Эти показатели разделяются на 32 объективных и 8 субъективных. Создатели индекса считают, что включение субъективных показателей помогает более точно понять настроения и чувства молодежи, в отличие от статистических данных. Сочетание объективных и субъективных показателей создает «многомерную» картину благополучия молодежи.

В Казахстане адаптированная методика основывается на проведении опросов среди молодежи в возрасте 14–28 лет по ключевым направлениям: трудоустройство, благосостояние, здоровье, спорт, образование, удовлетворенность, безопасность, гражданская активность, досуг с дальнейшим расчетом показателей индекса.

Аналогичный перечень показателей с незначительными изменениями (образование, здоровье и благополучие, занятость и возможности, политическое участие, гражданское участие, досуг и доступ к инфраструктуре, безопасность и др.) лежит в основе определения Индекса развития молодежи в Приднестровской Молдавской Республике (ИРМ)⁶. Оценивая состояние развития молодежи в республике (ИРМ), на первом этапе аналитическим путем определяются наиболее проблемные и чувствительные области, на следующем этапе выделяются факторы, влияющие на формирование доверия в конфликтных отношениях. «Факторы влияния» являются наиболее значимыми параметрами области измерения, они определяются профильными экспертами. Данный индекс призван улучшить существующие подходы к формированию и реализации молодежной политики в республике.

Возвращаясь к российской специфике, значимым является профильный аналитический отчет Счетной палаты РФ 2021 г.⁷, где в качестве одной из целей авторы заявляют оценку результативности использования бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию молодежной политики в 2018–2020 гг. Учитывая фрагментарность и «распыленность» молодежной политики по различным программам и проектам регионального и федерального уровней, а также разветвленность системы институтов, ответственных за ее реализацию, нами было принято решение остановиться на сборе данных одной, но наиболее значимой группы документов — государственных программ регионального уровня. Это также позволило получить относительно однородные данные для возможного сопоставления и сравнения регионов между собой с целью выявления общих трендов и региональных особенностей.

⁵ Индекс благополучия молодежи. URL: <https://clck.ru/34KG39> (дата обращения: 21.12.2022).

⁶ Индекс развития молодежи в Приднестровской Молдавской Республике. URL: https://minpros.info/files/news/2022/ИРМ_11.11.21.pdf (дата обращения: 21.12.2022).

⁷ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2021, № 12. Молодежная политика URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d59/5w5p6o6l86glyntiqm0vblz580390knl.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

Методология исследования

Целью эмпирической части данного исследования является поиск возможностей оценки реализации государственных программ молодежи на региональном уровне на основании построения индекса, учитывающего финансирование программ и уровень миграции молодого поколения.

На этапе сбора данных кроме информации по бюджетированию и длительности программ (подпрограмм) по всем регионам также в сводную таблицу вносились декларируемые в программе цели для последующего сравнения. Далее была собрана информация о численности молодежи на 1 января 2022 г. (от 15 до 34 лет) в каждом регионе и рассчитано усредненное миграционное сальдо за пять лет (2017–2021). Статистические данные были взяты из отчетов Федеральной службы государственной статистики, размещенной на официальном сайте ведомства⁸. Пятилетний период был выбран с целью определения миграционных тенденций, так как на данный показатель влияет ряд факторов: например, в 2020 г. отмечается минимальное колебание значений, что может быть связано с пандемией коронавируса.

Далее был произведен расчет предполагаемого расхода бюджетных средств за один год на одного представителя молодежи (на основании данных паспорта программ) для выведения итоговых цифр по каждому региону, которые могут быть сопоставимы друг с другом. Число, получившееся в итоге расчета, показывает разницу между фактическими затратами на одного представителя молодежи и потенциальным увеличением/сокращением этой суммы для сохранения нулевого миграционного сальдо среди молодежи региона.

Итоговая формула для подсчета индекса N :

$$N = A - \sum \frac{A}{(1 + B)^2},$$

где A — усредненное финансирование на одного представителя молодежи в год по региональной государственной программе; B — процент среднего миграционного сальдо за последние пять лет от общего количества молодежи в регионе, выраженный в абсолютных значениях.

Результаты исследования

Обобщая собранную информацию, можно отметить следующие особенности целеполагания: связанность программ по патриотическому воспитанию детей и молодежи с военной подготовкой; акцент на создании благоприятных условий для развития молодежи и реализации профессионального и творческого потенциала; декларирование важности духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации в процессе социализации и воспитания молодежи.

⁸ Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 07.01.2023).

В свете данного исследования важно отметить пример Архангельской области, где целью госпрограммы «Молодежь Поморья» является «создание условий для закрепления молодежи на территории Архангельской области через реализацию молодежной политики и работу по патриотическому воспитанию молодежи».

Согласно обобщенным нами данным за последние пять лет, в 74 % регионов России наблюдается отток населения молодого возраста. Говоря о внутренней миграции, самыми высокими значениями положительного миграционного сальдо обладают следующие регионы: Московская область, г. Москва, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская область, г. Севастополь и Калининградская область.

Анализ результатов подсчета индекса позволил сформировать пять групп регионов: от тех субъектов, которые в наибольшей степени нуждаются в дополнительном финансировании для сохранения численности молодежи в регионе, до тех, которые могут сократить финансирование государственных программ в сфере молодежной политики без угрозы оттока данной социальной группы (таблица).

Наиболее уязвимой является первая, самая малочисленная группа, составляющая 5 % от общего числа регионов. Показательным является пример Республики Коми, где при относительно небольшой численности молодежи (179 056 человек) на реализацию профильной подпрограммы по молодежной политике в рамках государственной программы «Развитие образования» на период 2020–2025 гг. выделено более 14 млрд рублей. При этом, говоря о миграционном сальдо, регион обладает самым большим отрицательным показателем среди исследуемых регионов. Так как программа реализуется только 2 года, возможно, результат работы местных ИОГВ не успел отразиться на показателях миграции. Однако о намерениях региональной власти улучшить положение дел в сфере молодежной политики говорит не только размер финансирования, но и институциональные преобразования: 1 января 2023 г. начал работу новый профильный комитет региона⁹. Кроме того, 2023 год был объявлен годом молодежи в Республике (как и в Камчатском крае, Удмуртии и Хакасии)¹⁰, что предполагает проведение дополнительных мероприятий для создания среды, благоприятствующей всестороннему развитию молодежи регионов.

Большая часть регионов находится в нейтральной группе (43 %), что не требует корректировки бюджетирования при условии сохранения действующей стратегии. Избыточное финансирование наблюдается в 10 % случаев, однако именно в этой группе присутствуют города федерального назначения (г. Санкт-Петербург, г. Севастополь).

⁹ В Коми начнет работу комитет по молодежной политике. URL: <https://fedpress.ru/news/11/policy/3168738> (дата обращения: 10.01.2023).

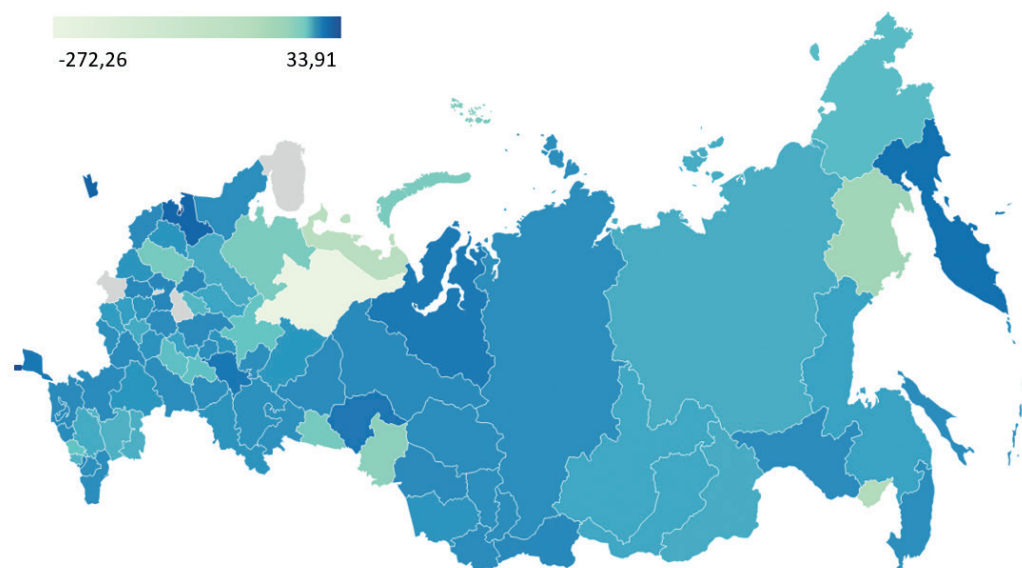
¹⁰ 2023-ой станет Годом молодёжи в некоторых регионах страны. URL: <https://dobro.press/novosti/2023-oi-stanet-godom-molodyozhi-v-nekotoryh-regionah-strany> (дата обращения: 11.01.2023).

Группы регионов, разделенные по критерию степени недостаточности / избыточности финансирования госпрограмм в сфере молодежной политики для сохранения нейтрального миграционного сальдо в регионе

Степень	Названия регионов	Процентное соотношение, %
Высокая недостаточность	Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Магаданская область, Республика Коми	5
Средняя недостаточность	Омская область, Архангельская область, Тверская область, Курганская область, Кировская область, Кабардино-Балкарская Республика, Ульяновская область, Пензенская область, Чукотский автономный округ, Ивановская область, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Калмыкия, Астраханская область	16
Низкая недостаточность	Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Липецкая область, Ставропольский край, Вологодская область, Республика Бурятия, Иркутская область, Костромская область, Хабаровский край, Республика Мордовия, Орловская область, Курская область, Пермский край, Волгоградская область, Смоленская область, Новгородская область, Алтайский край, Республика Марий Эл, Оренбургская область, Тульская область, Тамбовская область	26
Нейтральное положение	Республика Башкортостан, Белгородская область, Челябинская область, Удмуртская Республика, Кемеровская область, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Республика Карелия, Красноярский край, Приморский край, Самарская область, Томская область, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Саратовская область, Сахалинская область, Республика Карачаево-Черкессия, Свердловская область, Амурская область, Республика Алтай (Горный Алтай), Рязанская область, Ростовская область, Воронежская область, Псковская область, Новосибирская область	43
Избыточное финансирование	Ленинградская область, Калининградская область, г. Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Нижегородская область, Республика Адыгея, Ярославская область, Калужская область, Республика Ингушетия, Республика Крым, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Татарстан, Тюменская область, Камчатский край, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Тыва, г. Севастополь	10

Groups of regions divided according to the criterion of the degree of insufficiency / redundancy of financing of state programs in the field of youth policy to maintain a neutral migration balance in the region

Degree of financing	Names of regions	Percentage ratio, %
High insufficiency	Nenets Autonomous Okrug, Jewish Autonomous Oblast, Magadan Oblast, Komi Republic	5
Moderate insufficiency	Omsk Region, Arkhangelsk Region, Tver Region, Kurgan Region, Kirov Region, Kabardino-Balkarian Republic, Ulyanovsk Region, Penza Region, Chukotka Autonomous Okrug, Ivanovo Region, Republic of North Ossetia—Alania, Republic of Kalmykia, Astrakhan region	16
Low insufficiency	Republic of Sakha (Yakutia), Trans-Baikal Territory, Lipetsk Region, Stavropol Territory, Vologda Region, Republic of Buryatia, Irkutsk Region, Kostroma Region, Khabarovsk Territory, Republic of Mordovia, Orel Region, Kursk Region, Perm Region, Volgograd Region, Smolensk Region, Novgorod Region, Altai Territory, Republic of Mari El, Orenburg Region, Tula Region, Tambov Region	26
Neutral situation	Republic of Bashkortostan, Belgorod Region, Chelyabinsk Region, Udmurt Republic, Kemerovo Region, Chechen Republic, Chuvash Republic, Republic of Karelia, Krasnoyarsk Territory, Primorsky Territory, Samara Region, Tomsk Region, Republic of Dagestan, Republic of Khakassia, Saratov Region, Sakhalin Region, Republic of Karachay-Cherkessia, Sverdlovsk Region, Amur Region, Republic Altai (Gorny Altai), Ryazan region, Rostov Region, Voronezh Region, Pskov Region, Novosibirsk region	43
Excess funding	Leningrad Region, Kaliningrad Region, Saint Petersburg, Moscow Region, Krasnodar Territory, Nizhny Novgorod Region, Republic of Adygea, Yaroslavl Region, Kaluga Region, Republic of Ingushetia, Republic of Crimea, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Republic of Tatarstan, Tyumen Region, Kamchatka Territory, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Republic of Tyva, Sevastopol	10

Карта регионов России с обозначенной степенью недостаточности / избыточности финансирования госпрограмм молодежной политики для сохранения нейтрального миграционного сальдо в регионе¹¹

Источник: составлено авторами на основе полученных данных в результате подсчета разработанного ими индекса

Map of the regions of Russia with the indicated degree of insufficiency / redundancy of financing of state programs of youth policy to maintain a neutral migration balance in the region

Source: compiled by the authors on the basis of the data obtained as a result of calculating the authors' index

Прямой зависимости места региона в группе и принадлежности к тому или иному федеральному округу (ФО) выявлено не было. Это может быть связано с неравномерным распределением численности молодежи в рамках одного ФО, с большой степенью автономности региональной власти в принятии решений о бюджетировании сферы молодежной политики, а также наличием разрывов в социально-экономическом развитии регионов отдельного ФО.

При сборе данных и отборе профильных программ мы столкнулись с рядом сложностей, которые могут быть показательными для понимания ситуации в целом. Во-первых, в ряде регионов отсутствуют государственные программы по молодежной политике: задачи данного направления могут реализовываться в рамках программ по развитию системы образования (Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Чукотский автономный округ и др.), туризма (Кемеровская область, Курская область и др.), спорта (г. Севастополь, Омская область и др.). В такой ситуации было принято решение использовать данные по бюджетированию определенной подпрограммы, посвященной молодежной политике. Вторая проблема заключалась в поиске и определении уровня актуальности информации о программах в открытых источниках, а именно на сайтах

¹¹ Онлайн-доступ к интерактивному формату карты. URL: <https://datawrapper.dwcdn.net/LDgDo/5/> (дата обращения: 10.01.2023).

исполнительных органов государственной власти регионов (ИОГВ). Был обнаружен ряд несоответствий информации, представленной на сайтах профильных ИОГВ и в действующих нормативно-правовых актах. В этом случае мы опирались на данные, размещенные в компьютерно-справочных правовых системах. В-третьих, в нескольких регионах на субфедеральном уровне не было найдено актуальных госпрограмм по изучаемой теме, в связи с чем во избежание потери данных и минимизации пропущенных значений учитывались программы муниципального уровня региональных центров (Республика Адыгея, Нижегородская область, Псковская область Ханты-Мансийский автономный округ). В таких регионах, как Брянская область, Владимирская область, г. Москва и Мурманская область отдельных государственных программ (подпрограмм) или муниципальных аналогов найдено не было, поэтому данные субъекты были исключены из анализа.

Кроме того, государственные программы регионов имеют разные сроки реализации: от кратковременных (3–4 года в Республике Дагестан, Белгородской области, Республике Тыва и др.) до длительных (15–17 лет в Республике Карелия, Чувашской Республике, Красноярском крае и др.).

Выводы

Проблема оттока молодежи из регионов России является одной из самых острых не только в рамках молодежной политики: социально-экономическое развитие территориальных субъектов напрямую зависит от количества молодого трудоспособного населения, обладающего необходимыми навыками и компетенциями. Обобщенная модель индекса, предложенная нами в данной работе, раскрывает потенциал применения подобных методик для понимания взаимозависимости мер, предпринимаемых органами власти, и уровня миграции молодежи.

Полученные в ходе анализа результаты позволили выделить различные группы регионов: от наиболее уязвимых к наиболее стабильным с точки зрения сохранения численности молодого поколения. В рамках развития исследования по данной теме и оптимизации показателей индекса имеет смысл проводить динамический анализ, сравнивая значение индекса на момент начала реализации государственной программы и окончания этого периода по каждому региону. Несмотря на то, что государственные программы являются самым распространенным форматом планирования и реализации различных проектов в регионах на сегодняшний день, данная группа нормативно-правовых актов не может считаться всеобъемлющей, поэтому представляется важным расширить базу сбора данных, включив и другие источники финансирования молодежной политики в анализ.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 11.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Артыков С.Т., Касаткина Е.А. Молодежная политика как объект государственного и муниципального управления // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30. № 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-2-200-207>
- Березутский Ю.В. Молодежная политика и ее роль в реализации жизненных приоритетов молодежи и регионов: дальневосточная специфика // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи. 2020. С. 157–166.
- Бизин С.В. Стратегический анализ региональной молодежной политики и оценка кадровой обеспеченности региона // Journal of Economics. 2022. Т. 12. № 2. С. 879–896. <https://doi.org/10.18334/epp.12.2.114252>
- Блинникова О.Н., Пачин А.Р. Подходы к исследованию молодежной политики // Человек. Общество. Наука. 2020. № 1. С. 79–83. https://doi.org/10.53015/2686-8172_2020_1_79
- Бушueva Т.Н., Гришаева Е.В. Использование научно-обоснованных подходов в практике оценки эффективности реализации молодежной политики в Российской Федерации // Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности. 2020. С. 190–197.
- Гончарова Н.А., Сурова Е.А. Проблемы оценки эффективности молодежной политики // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия. 2021. С. 87–90.
- Джакупова Д.Е. Потенциал применения Индекса развития молодежи для оценки эффективности развития молодежной политики Республики Казахстан // Вестник Российского университета кооперации. 2020. Т. 41. № 3. С. 35–39.
- Куликов С.П. Актуальность формирования единой системы критериев и методов оценки эффективности деятельности органов по работе с молодежью // Экономика и управление. 2019. № 11. Т. 104. С. 197–202.
- Мирошниченко И.В., Федоренко К.А., Широ Л.А. Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и потенциал развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 26–47. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-26-47>
- Ожорокова М.П. Методологическая основа исследования молодежной политики // Вопросы политической науки: материалы II Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2016. С. 12–15.

References

- Artykov, S.T. & Kasatkina, E.A. (2020). Youth policy as an object of state and municipal management. *Bulletin of Udmurt university. Economics and law series*, 30(2), 200–207. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-2-200-207> (In Russian)
- Berezutskiy, Y.V. (2020). Youth policy and its role in the realization of life priorities of youth and regions: far eastern specificity. In *State youth policy: national projects 2019–2024 in the social development of youth*, 157–166. (In Russian)
- Bizin, S.V. (2022). Strategic analysis of regional youth policy and regional staffing assessment. *Journal of Economics*, 12(2), 879–896. <https://doi.org/10.18334/epp.12.2.114252> (In Russian)
- Blinnikova, O.N. & Pachin, R. (2020). Approaches to the study of youth policy. *Human. Society. Science*, (1), 79–83. https://doi.org/10.53015/2686-8172_2020_1_79 (In Russian)
- Bushueva, T. & Grishaeva, E. (2020). The use of evidence-based approaches in the practice of evaluating the effectiveness of youth policy in Russian Federation. In *State regulation of socio-economic processes of the region and the municipality: challenges and answers of our time*, 190–197. (In Russian)

- Goncharova, N. & Surova, E. (2021). Problems of assessing the effectiveness of youth policy. *Structural transformations of the economy of the territories: in the search for social and economic equilibrium*, 87–90. (In Russian)
- Dzhakupova, D.E. (2020). Potential of application of youth development index to assess the efficiency of youth policy development in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 41(3), 35–39. (In Russian)
- Kulikov, S.P. (2019). Relevance of formation unified system of criteria and methods performance assessments youth outreach authorities. *Economics and Governance*, 104(11), 197–202. (In Russian)
- Miroshnichenko, I.V., Shpiro, L.A. & Fedorenko, K.A. (2022). The project approach in russian state youth policy: institutional practices and development potential. *South Russian Journal of Social Sciences*, 23(1), 26–47. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-26-47> (In Russian)
- Okorokova, M.P. (2016). Methodological Framework for Youth Policy Research. *Political science issues: materials of the II International Scientific Conference*, 12–15. (In Russian)

Сведения об авторах:

Калашикова Софья Константиновна — младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: sofyakalashnikova15@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9837-3363)

Андриив Ирина Ивановна — младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; магистрант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: andriiv99@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1487-3916)

About the authors:

Sofia K. Kalashnikova — junior research fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Postgraduate of the Department of Political Institutions and Applied Political Research, St. Petersburg State University (e-mail: sofyakalashnikova15@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9837-3363)

Irina I. Andriiv — junior research fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Under student of the Department of Political Institutions and Applied Political Research, St. Petersburg State University (e-mail: andriiv99@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1487-3916)